
Юля
Шеффер
Предатель
Я тебе не жена

Юля Шеффер
Предатель. Я тебе не жена

https://litres.ru/74722058
SelfPub; 2026

Аннотация

- Здравствуй, Ванечка. Прости, что явилась без приглашения, ты забыл сообщить, что женишься. Не на мне, - заявила девушка, явившаяся на мою свадьбу.

Беременная девушка.

Беременная от моего мужа...

Мы с женихом сказали друг другу "Да" перед алтарем и готовы были обменяться кольцами, не ожидая, что на стандартный вопрос регистратора: "Если есть кто-то, кто возражает против этого брака, пусть скажет сейчас или замолчит навсегда", мы услышим:

- Есть!

И вместо статуса счастливой новобрачной я обрела статус разведенки.

Содержание

Глава 1. Счастье 4
Глава 2. Ванечка 9
Глава 3. Акула 15
Глава 4. Кошмар наяву 21
Глава 5. Крик 27
Глава 6. Пружина 33
Глава 7. Маска 38
Глава 8. Без прикрас 43
Глава 9. Новенький 48
Глава 10. Не маленькая 53
Глава 11. Отпоем и оттанцуем 58
Глава 12. Принц 63
Глава 13. Дурацкие мысли 68
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Предатель. Я тебе не жена

Глава 1. Счастье

- Алинка, ты такая красивая! Ты просто сияешь! - держа меня за руки, затянутые в тонкое кружево перчаток, почти шепчет Олеська.

Глаза моей лучшей подруги блестят от счастья за меня.

Она вместе с остальными подружками невесты кружат вокруг меня, суетятся, поправляя последние штрихи моего главного в жизни наряда. Белоснежное винтажное платье, как облако, обволакивает меня, а корсет плотно обтягивает, подчеркивая грудь и тонкую талию. От легкого волнения мои руки слегка подрагивают, но я стараюсь держать себя в руках.

Даже не знаю, откуда вдруг этот мандраж.

Наверное, просто от уверенности, что сегодня все должно быть идеально. Но все так и есть. Поднимаю взгляд на себя в большое зеркало и даже не верю, что это я.

- Да, Алин, ты - красавица. И такая счастливая! - вторит Олеське сменившая ее Любка.

Она поправляет завиток моих волос и осторожно обнимает.

- Это Иван - просто счастливчик! - возражает гордый папа.

Он тоже тусит вместе с нами в комнате невесты, потому

что выход уже скоро, а ему вести меня к алтарю.

Я улыбаюсь, чувствуя, как по телу разливается тепло от их слов, и от того, что я знаю - это чистая правда. Мы с Иваном оба счастливчики. Это стало понятно с первого дня, как мы встретились. Это было больше года назад, но я до сих пор помню тот день в мельчайших деталях.

- Девочки, пора, - как вихрь, врывается в комнату организатор свадьбы Кристина, лучшая в городе. - Алина, ты выходишь через две минуты. Как только зазвучит музыка.

Я киваю, но вряд ли она даже видит это, тут же убежав. Девчонки выбегают за ней. Со мной остается папа.

- Две минуты, - говорит он.

Две минуты, и моя жизнь изменится навсегда. Лицо папы светится от гордости и радости, а глаза полны любви.

- Я так рад, что ты нашла свое счастье. Иван - хороший парень, и я уверен, что ты будешь так же счастлива с ним, как и я - с твоей мамой.

Я чувствую, как к горлу подкатывает комок, и глаза наполняются слезами. Папа всегда был и остается моим героем, и его слова проникают прямо в сердце.

- Спасибо, папа. Спасибо за этот день. Я так счастлива!

Иван не из нашего круга, и я боялась, что папа не разрешит мне выйти за него замуж. Но мой любимый сумел очаровать и родителей, да так, что теперь он - один из руководителей в нашем бизнесе. Папа уважает его и очень ценит.

Он обнимает меня, и я ощущаю его тепло и силу, дают

мне уверенность, что все будет хорошо.

И тут раздаются первые аккорды марша невесты. Мелодия заполняет комнату, и сердце начинает биться чаще.

- Пора, моя девочка. Пора выдавать тебя замуж, - выставляет папа локоть, и, кивнув, я вкладываю в него свою руку.

Мы вместе направляемся к дверям, которые распахиваются передо мной, и в конце прохода я вижу Его.

Моего Ивана, моего возлюбленного, моего жениха.

Он такой красивый. Высокий и уверенный, тёмный смокинг сидит на нем идеально, подчёркивая силуэт. Его лицо спокойно, но в глазах мерцает тот самый огонь, который я видела с первого дня знакомства. Он смотрит прямо на меня, и на его губах появляется едва заметная улыбка, та, что всегда заставляла меня чувствовать себя особенной.

Иван словно говорит: "Я здесь, и всегда буду с тобой". В этом моменте я точно знаю - так будет всегда. Мы будем вместе, пройдём через всё, и ничто не сможет нас разлучить.

Я вдыхаю глубже и иду к нему мимо белых стульев рядам по обеим сторонам от прохода, на которых сидят наши родственники и близкие друзья.

Иван не москвич, поэтому его гости приехали издалека. Их не много - двое друзей, сестра и мама. Перед свадьбой мы увиделись с ними впервые, но они уже заняли свой уголок в моем сердце.

Завершаю проход и встаю рядом с Иваном. Папа выпускает мою руку, целует ее и вручает моему жениху. Моему

единственному. Моему любимому.

Он берет и вторую мою руку, сжимает их обе, с нежностью глядя на меня. Он смотрит так, что мне кажется, его глаза меня целуют. Я заливаюсь краской.

Регистратор начинает свою торжественную пафосную речь, от которой вновь образуется комок в горле, и я изо всех сил пытаюсь сдержать слезы. Мне никак нельзя разреветься сейчас. Даже одну слезинку пустить не разрешается - будет испорчен макияж и свадебные фото.

"Боже, о каких глупостях я сейчас думаю!.."

Пальцы Ивана вновь ободряюще сжимают мои, я пожимаю их в ответ - "не буду".

Когда мы оба произносим заветное "Да" на вопрос регистратора, она задает собравшимся традиционный для церемонии в западном стиле, как наша, вопрос: "Если есть кто-то, кто возражает против этого брака, пусть скажет сейчас или замолчит навсегда". Мы с улыбкой смотрим на своих гостей, они тоже, шутя, переглядываются друг с другом. Но, конечно, же возражающих нет.

Мы вновь поворачивается к регистраторше, чтобы она могла продолжить и завершить церемонию, как вдруг откуда-то раздается громкое и четкое:

- Есть.

Гремит это слово, словно внезапный раскат грома в солнечный день. Сердце замирает, и, кажется, замирает все: гости, музыка, даже ветер, который только что шелестел ли-

стьями и лепестками, которыми украшена арка над нами.

Я не понимаю, что происходит. Резко оборачиваюсь на звук, выискивая в толпе гостей, кто это мог сказать.

Что за шутки?!

Но они все смотрят куда-то назад, я тоже перевожу взгляд туда и вижу, как по гравийной дорожке между деревьев выходит женщина с выступающим животом и катит за собой чемодан.

- Кто это? - слышатся шепотки повсюду, эхом отражая вопрос в моей голове.

Глава 2. Ванечка

- Есть! - повторяет она, с вызовом оглядывая гостей, будто ей всё равно на их шёпотки и неприязненные взгляды.

Она явно не входит в число приглашенных ни с чьей стороны, потому что ее неуместность и инородность бьют по глазам - простой трикотажный костюм, излишне подчёркивающий её заметно округлившийся живот - но, возможно, она и хотела, чтобы он выделялся, - и чемодан выглядит изрядно потрепанным.

Её глаза сверкают решительностью и гневом, направленными на Ивана, стоящего рядом со мной.

Он выпускает мои руки из своих, и я сразу чувствую холод.

Смотрю на него и вижу, как он напряжен. Мой жених будто окаменел и стремительно бледнеет.

В голове закруживается вихрь вопросов: Кто она? Что она здесь делает? Почему остановила церемонию? Иван, что, ее знает?

Я смотрю на любимого в поисках хоть какого-то ответа, но он не двигается, не произносит ни слова. Его застывший взгляд прикован к этой девушке.

А она идет к нам. Медленно, но уверенно. В воцарившейся тишине ее шаги звучат, как удары молотка о твердую поверхность, наводя еще большей жути.

Напряжение нарастает, оно физически ощущается, сковывая по рукам и ногам. Кажется, весь мир замер в ожидании того, что произойдёт дальше.

Я в растерянности смотрю по сторонам, но у моих подруг такие же потерянные лица. А регистраторша, та самая, которая мягким поставленным голосом только что задала этот дурацкий сакраментальный вопрос о возражениях, теперь пристыженно опускает глаза на свои бумаги, не понимая, что ей делать дальше.

И она такая не одна - никто ничего не понимает.

- Здравствуй, Ванечка, - говорит девушка, останавливаясь рядом с нами.

Ванечка?.. У меня перехватывает дыхание.

- Прости, что явилась без приглашения, - ее голос сочится язвительностью и… болью? - Ты, видимо, забыл мне его прислать.

Она делает шаг вперёд, вставая на ступеньку, ведущую на невысокий подиум, где стоим мы.

- Кто это? - слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю их осознать.

Но Иван молчит. Стоит, будто в ступоре, его лицо белеет с каждой секундой.

- Как и забыл сообщить, что женишься. Не на мне, - она поднимается еще на ступеньку, а я хочу убежать от нее.

- Что это значит, Иван? - гремит как будто где-то вдалеке голос папы - он тоже не выдержал, глядя на эту сцену. - Объ-

яснись немедленно. Кто эта девушка и чего хочет от тебя?

- Уезжая в Москву, ты говорил, что вернёшься ко мне. Что едешь в большой город, чтобы заработать деньги для нас и нашего ребенка, - она театрально кладет руку на живот.

А мне кажется, будто меня только что с размаха пнули в мой.

Что она имеет в виду? Наш ребёнок? Это... его ребёнок - Ивана?!

- Я жду тебя там, дома, жду, когда ты приедешь, и вдруг от твоих друзей, случайно, узнаю, что у тебя, оказывается, тут свадьба! Ты бросил меня там, чтобы здесь жениться на ней? Ты бросил нас? Скажи мне! - она почти кричит ему в лицо.

А у меня подкашиваются ноги, я начинаю оседать на пол, осознавая, что его реакция на ее появление говорит громче слов.

Говорит мне, что эта непрошенная гостья не врет, а все, что я считала правдой раньше - фикция. Все, что я знала об Иване, все, что он рассказывал мне о себе - все это ложь.

Смотрю на него, но как будто больше не узнаю. Его лицо расплывается из-за застилающей глаза пелены из слез.

Иван будто отмирает и подхватывает меня, кладя руку на талию. Я чувствую брезгливость, хочу отбить ее, сказать "не трогай меня, предатель!", но у меня нет на это сил.

Воздух в буквальном смысле застыл и загустел, как перед бурей. Я не могу его вдохнуть, и из-за своего чересчур затянутого корсета задыхаюсь в этом напряжении.

- Лариса, прекрати истерику! - переводя взгляд на незнакомку, подает наконец голос мой жених, и в нем звенит ярость. - Зачем этот спектакль? Я не приглашал тебя, потому что не обязан…

- Спектакль? - перебив его, взвивается та, которую он назвал Ларисой. - Это, по-твоему, спектакль? - она снова указывает на свой живот. - Или, скажешь, что не знаешь меня?

Иван словно теряет терпение и, отпустив меня, хватает ее за руку, тащит с подиума, но не обратно по проходу к загородному отелю, который моя семья полностью арендовала на эти выходные, а в сторону леса, за которым трасса.

- Хватит, - доносится до меня его злой негромкий голос. - Ты уже испортила все, что можно, а теперь убирайся отсюда вместе с пузом и чемоданом.

- Стой, Иван! Вы никуда не уйдете, пока все не объясните, - останавливает его папа, подходя ко мне, но мне уже не нужна помощь.

Я справилась с первым шоком и теперь твердо стою на ногах.

Я не собираюсь ни плакать, ни падать в обморок, ни как иначе развлекать публику своей слабостью. Не здесь. Собравшиеся репортеры не увидят моей драмы, чтобы через пять минут выложить скандальные кадры в сеть.

Папа тоже вспомнил о них, потому что скомандовал:

- А вы прекратите снимать и сдайте все карточки памяти охране. Гордей, проследи. Я жду, Иван!

- Это всё полная ерунда! - восклицает Иван, стараясь звучать спокойно, но я слышу, что его голос дрожит - от страха или волнения, сейчас не разобрать. - Я встречался с ней, да, но мы давно расстались. Этот ребенок не может быть моим. Я уже год не виделся с ней! Алина, - обращается ко мне.

Но я отворачиваюсь - не желаю слушать.

Мой взгляд блуждает по лицам гостей, и я вижу в них и шок, и интерес, и осуждение, и даже злорадство - у нашей семьи немало завистников. Я чувствую дурноту и хочу уйти отсюда.

- Алина! - Иван идет ко мне, и я спешу покинуть подиум.

- Не подходи! - предупреждаю, стрельнув взглядом, и он останавливается.

- Свадьбы не будет! - объявляю я на ходу громко. - Можете расходиться.

И бегу прочь от этого кошмара. От Ивана, от Ларисы, от репортеров - от всего. Даже от родителей.

Мне сейчас не нужно сочувствие или жалость. Мне нужно остаться одной.

На парковке, где много машин, я останавливаюсь - моей тут, конечно, нет. Я приехала на свадебном лимузине…

- Алина, всё в порядке? -идет мне навстречу кто-то из опоздавших. Улыбается: - Я все пропустил?

- Нет, вы как раз вовремя, - кидаюсь к нему и, наплевав, что этот мужчина мне не ровесник, а прилично старше, прошу: - Отвезите меня, пожалуйста, отсюда.

Он смотрит на меня долгим взглядом, но, не задавая вопросов, кивает и ведет к своей машине - трехдверному спортивному купе.

Нормальная карета для сбежавшей невесты.

Сорвав с головы фату, бросаю ее в стороны урны и сажусь рядом на пассажирское.

- Куда едем?

Глава 3. Акула

Хороший вопрос: куда едем…

- А можно прямо? - спрашиваю я, открыто глядя на него.

Нет того места, где я сейчас хотела бы быть.

- Можно и прямо, - усмехается он и, передвинув рычаг, лихо срывается с места.

Где-то по краю сознания проскальзывает мысль, что я села в машину к незнакомому мужчине - я даже имени его не знаю - и еду неизвестно куда, но я от нее отмахиваюсь. Лицо у него знакомое, я точно его видела, просто не помню, как зовут. Да и здесь случайных людей не встретишь - слишком дорого и далеко от столицы. Наверняка это кто-то из партнеров отца.

Потом узнаю.

Мы мчим по трассе на высокой скорости, я пытаюсь смотреть в окно, но скоро от мельтешения деревьев меня начинает мутить, и я перевожу взгляд вперед, на лобовое. Потом, вообще, откидываю голову на удобную спинку и закрываю глаза.

Мысли о том, что произошло на свадьбе, не дают мне покоя.

Свадьба... Мы столько к ней готовились, столько ждали, и вот этот день настал. Он должен был быть идеальным, а все обернулось жутким кошмаром… Полный провал.

Предательство Ивана...

Незваная гостья. Ее огромный живот, этот чемодан... ее слова.

Мое бегство.

Сегодня все должно было только начаться, но все рухнуло. Сломалось, сложилось, как карточный домик, который я так долго выстраивала.

Я впустила Ивана в свое сердце, впустила в свой мир, и едва не впустила в семью, а он…

Как же больно в груди! Боль такая сильная, что хочется принять обезболивающее, но от этого вида боли анальгетика еще не придумали…

- Ты в порядке? - через какое-то время спрашивает мой случайный водитель.

- Да, - машинально отзываюсь я, не открывая глаз и не поворачиваясь к нему.

Я не хочу сейчас ни с кем разговаривать. Просто нужно отойти от того, что случилось. Пережить внутри себя. Потом перечеркнуть и забыть.

И забить.

…Гвоздь в крышку гроба Ивана Безрукова.

Если он думает, что так легко отделался после того, как унизил меня и опозорил при всех, он ошибается.

Сегодня я ушла, но завтра…

Завтра он за все мне ответит.

Я еще не знаю, как именно собираюсь отомстить ему за

подлость и предательство, но точно не оставлю это так.

"А если он не виновен?" появляется робкая мысль. "Если эта Лариса все выдумала, и ребенок, действительно, не Ивана?"

Мне очень хочется в это верить. Я бы многое отдала, чтобы все было именно так.

Но тогда бы он не стоял каменным изваянием у алтаря, а сразу возразил ей. Дал ей отпор, призвал в свидетели ее лжи свою мать и сестру. Но он молчал. Он был шокирован, он был раздавлен ее появлением, как будто она пришла выдать его тайну.

Тайну о том, что они еще вместе и собираются стать родителями…

Он говорит, что год не виделся с ней, но я помню, что за этот год Иван несколько раз ездил в родной город. Говорил, что хочет навестить мать, помочь ей с сестрой - той двадцать, и она неуправляемая. Я считала, что это много говорит о нем, как о человеке. Передавала им привет и конфеты.

А ими, возможно, лакомилась эта Лариса…

Мужчина бросает на меня короткий взгляд, я его вижу боковым зрением, но остаюсь безучастной.

- Твои родители не потеряют тебя? - спрашивает он как будто равнодушно - потому что должен спросить.

- Я взрослая, чтобы меня теряли, - отвечаю независимо, но его вопрос заставляет задуматься.

Он прав - родители, наверное, сейчас на панике. Я отме-

нила свадьбу и ушла, ничего не сказав.

А им теперь приходится иметь дело с гостями. Но это, в основном, их гости. Девчонки меня поймут, а больше я никого не звала. И не обязана ни перед кем отчитываться.

- Может, им позвонить? - предлагает он, на этот раз чуть настойчивее.

Я отрицательно мотаю головой - мысль о том, чтобы говорить с кем-то, сейчас просто невыносима.

Но я вдруг понимаю, что и они мне не звонят. Никто не звонит.

Опускаю взгляд вниз и понимаю - им некуда мне звонить, в свадебном платье не предусмотрено карманов для телефона. По крайней мере, в моем.

Телефон остался где-то в комнате невесты, вместе с остальными вещами. Ну и к лучшему.

Начну новую жизнь, в том числе, с нового телефона. И номера, на котором не будет нежелательных контактов.

Такой у меня пока один, но он стоит того, чтобы я не жалела и об остальных, чьи телефоны не так легко будет восстановить.

Повернувшись к нему, демонстративно развожу руками, показывая, что звонить мне не с чего.

- Можно набрать с моего, - предлагает меланхолично.

- Не хочу. Потом.

- Ты точно в порядке? - еще раз спрашивает он, чуть прищурившись.

- Я буду в порядке, - обещаю я и, увидев, что мы подъезжаем к городу, прошу: - Отвези меня домой.

И называю адрес.

Голову больше не отворачиваю, а смотрю на него из-под полуприкрытых век.

Впервые за всё время.

И в этом ракурсе, сбоку, он выглядит сильно иначе, чем, когда я встретилась с ним на парковке.

Теперь образ преуспевающего бизнесмена, этакого повесы и прожигателя жизни, растворился, и я вижу в нем акулу.

Покажись он таким сразу, и я вряд ли бы села в его машину.

Он кажется спокойным, даже слегка сонным. Расслабленно, даже играючи, ведёт машину, но есть в его повороте головы, в резкой линии скул что-то хищное, неукротимое, что привлекает внимание и завораживает.

Кто он, все же?

Почему, вообще, согласился мне помочь, изменив свои планы, и катает меня, даже ничего толком не спрашивая?

Спросить?..

Нет, не буду. Вдруг ответ мне не понравится?..

Простившись с ним у въезда в закрытый двор, я прохожу через калитку, вхожу в подъезд и, взяв ключ у портье - хорошо, что тут такая система, а то я бы не попала в квартиру - поднимаюсь на этаж.

Это новая квартира, которую родители подарили нам на

свадьбу.

Мы должны были приехать сюда вместе с Иваном и вместе тут жить. Как семья…

Но теперь эти слова - свадьба, брак, будущее - максимально далеки от меня.

Мне бы разобраться с настоящим.

Сажусь на широкий диван, и время словно замирает. Вокруг тишина, и, кажется, эта тишина давит на меня, заставляя чувствовать себя ещё более одинокой и потерянной.

Я не знаю, сколько прошло - минуты или часы, как вдруг раздаётся сильный стук в дверь.

Я не хочу выныривать из своего полусна и еще меньше хочу кого-то видеть или что-то объяснять. Но стук становится громче, требовательнее - в дверь буквально ломятся.

И, пока не вмешалась охрана - минусы элитного дома - я иду открывать.

Глава 4. Кошмар наяву

За дверью родители.

Взволнованные и чуть раскрасневшиеся. Мама выглядит так, будто только что бежала марафон, а у папы выражение лица, которого я никогда прежде не видела - его обычные решимость и воля, но с примесью страха.

- Алина! - мама бросается ко мне и обнимает, словно стремясь убедиться, что со мной всё в порядке.

Как в детстве, когда я падала с горки или с велосипеда - тогда они смотрели на меня точно так же.

Ощущаю её дрожь, и это меня это отрезвляет - мое бегство было чуточку безответственным. Но мне нужно было остаться одной и пережевать внутри все случившееся.

- Мы так волновались!

Папа тоже порывисто обнимает меня, буквально выдирая из маминых рук, а, отстранившись, придирчиво осматривает, отодвигает нижнее веко и переворачивает запястья, как будто проверяет, не сделала ли я с собой что-нибудь.

Так вот что они подумали! И вот почему такие испуганные.

- Пап, ты чего! - протестую возмущенно, хоть и слабо. - Как ты мог такое подумать?

- А что я должен был думать? - ворчит, но заметно, что он испытывает облегчение.

- Ну точно не это! Я же твоя дочь, а значит, образец благоразумия.

Он невольно хмыкает - ему приятны мои слова.

- Простите, что сбежала вот так. Я просто не могла там оставаться, в том ужасе. Все эти взгляды, перешептывания, эта женщина, Иван… - я ежусь от одних воспоминаний. - Но я в порядке и никаких суицидальных мыслей у меня нет, - пытаюсь успокоить их, и я действительно, в норме.

Почти.

- Это был кошмар наяву, - соглашается мама, снова обнимая меня. - Бедная моя девочка. Не представляю, что ты чувствуешь.

- Вряд ли вы чувствуете что-то сильно другое, - пытаюсь улыбнуться.

Эта гадкая сцена у алтаря была шоком для всех, кто там был.

Родители обмениваются взглядами. Мама берет меня за руку и ведет обратно к дивану. Садится рядом и притягивает мою голову к своей груди, оберегая и утешая. И в этот жесте столько любви, что у меня в горле снова образовывается комок. И становится не так важно, как я чувствую себя сейчас, важно, что они рядом, что они готовы выслушать меня, поддержать, и, если понадобится, защитить и порвать за меня всех. В такие моменты семья - это единственное, что действительно имеет значение.

И сегодня моя семья могла - должна была - пополниться

на еще одного человека, ставшего любимым и близким. Но…

Зажмуриваюсь, не позволяя себе вернуться в тот кошмар даже мысленно.

- Что ты теперь будешь делать, дочка? - спрашивает меня мама полным заботы голосом.

Приподняв плечи, качаю головой - я не знаю, что ответить, не знаю, что делать. В голове всё смешалось, и даже мысль о том, что меня ждет уже завтра, пугает.

Нужно встречаться с Иваном, говорить с ним. Смотреть ему в глаза, слушать оправдания и думать, лжет он или нет. Так хочется верить, что нет. Верить, что Иван не предавал меня, что все это какое-то жуткое недоразумение, что все еще можно исправить.

Но потом я вспоминаю его лицо, и надежды лопаются.

Я бы ни за что не поверила этой Ларисе, и я не верила ее словам, когда она нападала на Ивана с обвинениями, но я поверила тому, как он вел себя, увидев ее - он испугался! Он был так испуган, что его буквально парализовало с первой секунды, как она появилась на поляне. Он не дышал, не моргал - окаменел, - лишь таращил глаза, не зная, что сказать.

Будь все, что она говорила, ложью, он бы не стоял истуканом, не смотрел молча, как она все рушит, позорит при всех его и меня, а возразил бы, заткнул ей рот, прогнал прочь.

Он это сделал, да, но уже потом, когда было уже поздно - своей реакцией он выдал себя. И я не могла это игнорировать.

Маска животного ужаса на его лице до сих пор у меня перед глазами. Это было лицо человека, которого поймали на месте преступления с поличным.

- Ничего не надо делать, - отвечает за меня папа, его голос звучит уверенно и категорично. - Просто выгоню этого пса шелудивого и все. Уволю его из фирмы, отниму все, что дал, и сделаю так, чтобы он никогда больше не нашел работу в нашем бизнесе. Ни здесь, ни где в мире! Пусть осваивает другую профессию и ищут других доверчивых дураков!

- Не руби с плеча, Марат, - снова осаживает его пыл мама. - Сначала надо разобраться. Может, эта Лариса солгала, и ребенок вовсе не от Ивана.

- Да говорил я с ним! И с этой… Ларисой, - после недолгого молчания произносит папа, и я поднимаю голову, как и робкая надежда во мне.

- И? - приходится подтолкнуть его, потому что он вновь замолкает.

- Мутная история, - хмурится папа. - Он, конечно, утверждает, что это все бред, что ребенок не его. Готов клясться чем угодно, что он не виновен. И кажется искренним. Уж я на него давил, будь здоров.

Мы с мамой киваем - представляем себе.

- А Лариса верещит, что это он лжец, и что она готова сделать любой анализ на отцовство, и тоже при этом выглядит очень уверенной в том, что говорит. Честно, дочь, я не знаю, кому из них верить.

Опускаю голову - вот и я.

- Его мать что-то невразумительно мямлит, сестра, вообще, загадочно ухмыляется, как будто радуясь скандалу. Даже захотелось ей по заднице надавать - отвратительная девица.

- Нет, она нормальная, просто возраст переходный, - заступаюсь я за Ингу. - Но в любом случае мне придется поговорить с Иваном, папа.

- Да о чем с ним говорить? Он влез к нам в доверие. Он почти влез в мою семью! А сам…

- Мы пока ничего толком не знаем, - неожиданно защищаю его я.

И это парадоксально - сама я, головой, понимаю, что всё говорит за то, что Иван - предатель, но сердце не хочет мириться с этим.

И хоть я сбежала со свадьбы, отменив ее, внутри меня тлеет надежда, что все как-то разрешится.

Я выслушаю его, я проверю все факты, и, если он не врет, мы попробуем снова. Если же он предал меня, я не стану его жалеть.

- Мне и знать ничего не надо! Как хорошо, что вы не успели расписаться, - продолжает папа излишне эмоционально. - Вовремя эта девица появилась. Теперь проблем меньше.

Я смотрю на него, а потом опускаю голову, только сейчас осознав, что натворила.

- На самом деле… - шепчу еле слышно. - Мы успели.

Они оба одновременно выкрикивают:

- Что?!

Глава 5. Крик

- Как расписались? - распаляется папа - он у нас темпераментом не обделен. - Нет же. Вы не ставили подписи в книге записи, значит, вы не женаты.

- Это выездная церемония, папа… - напоминаю вяло.

- Выездная, но по статусу официальная. Мы же обсуждали это, дочь. Я сразу сказал, что не согласен на бутафорскую церемонию, не стану устраивать фальш-представление перед своими гостями. Сейчас в Москве немало мест, где выездную регистрацию можно организовать совершенно официально, с записью в их амбарной Книге.

- Да, - тихо бормочу. - Но этот отель не входит в список таких мест.

- Как не входит?! Вы же сказали, что…

- Мы обманули.

Мой голос становится еще слабее, он едва слышен, потому что мне чудовищно стыдно за свой обман, стыдно, что согласилась пойти на эту маленькую ложь.

- Ради нас, - убеждал меня Иван, когда мы вышли от родителей, объявив им о том, что подали заявление и назвали дату свадьбы.

Я очень расстроилась и чуть не плакала - мы хотели пожениться именно в эту дату, в день нашего знакомства год назад. Мы так радовались, что она подходила по срокам ЗАГСа

- дата и знаковая для нас, и красивая, и благоприятная для новых начинаний, но родители сказали, что она не годится. У папы в это время была запланирована важная командировка, которую он отказался перенести, и без него свадьбы быть, конечно, не может. А после его возвращения бабушке по маме предстояла операция, а потом реабилитация, и они предложили нам жениться в этот день.

Сегодня.

Пять недель спустя.

- Мы можем пожениться в день, который выбрали сами, а в дату, назначенную родителями просто отметить наш счастливый день с семьей и друзьями. Никто не узнает, - утешал меня любимый.

- Папа же сказал, что не согласится на формальную церемонию. Он…

- Я помню. Мы ему не скажем. Пока… Давай, Алинк. Я часы считаю, как хочу поскорее стать твоим мужем. Я не выдержу еще пять недель.

- Я тоже, - глядя на него, наивно хлопала я слегка влажными от слез ресницами.

Он поцеловал меня в краешек губ.

- А папа поймет. Потом…

И я согласилась. Переживала внутри, но думала, что для них это не так важно, как для меня.

Если бы я знала, чем это все обернется… Как позорно закончится. И какие проблемы сулит мне и моей семье.

Чувство вины в груди разгорается с огромной силой и скоростью.

Папа драматично хватается за голову, мама в ужасе обхватывает свое лицо ладонями. Как на картине Мунка "Крик".

- И когда вы реально расписались? - спрашивает папа и догадывается: - В день, в который собирались изначально?

Я виновато киваю.

Он глубоко вдыхает.

- То есть, по документам ты его жена.

Он не спрашивает, но я все равно киваю.

В голове против воли всплывают картинки того дня, когда мы получили свидетельство о браке. Как мы радовались, как нас распирало от желания рассказать всем, прокричать всему миру, как мы счастливы. Как в ресторане на салфетке я тренировалась подписываться Алина Безрукова. Это действительно был прекрасный день - лучший, - таким и должен быть день свадьбы. Мы наслаждались друг другом, мы любили друг друга, мы строили планы на совместное будущее. И теперь это всё выглядит таким нелепым…

- Простите, - вырывается у меня, хоть я и понимаю бессмысленность этого.

- Ты должна была сказать нам, Алина. Посоветоваться, - качает головой папа, его голос звучит безжизненно, и это бьет по нервам сильнее, чем самый безумный крик.

- Я не думала, что всё будет вот так. Не знала. Я просто хотела сделать по-своему, - понуро отвечаю.

Мама, сжалившись, снова притягивает меня к себе.

- Все нормально, Алиша. Это не трагично. Чуть посложнее будет расстаться с Иваном, но папа все устроит. Да ведь, папа? - в конце мама продавливает голосом, чтобы папа не вздумал возражать.

- Да, конечно, справимся. Не переживай, дочь. Вы же ничего совместно не покупали за это время?

- Нет.

- Эта квартира пока даже не на тебе, твоя старая квартира и машина куплены до брака, так что ничего твоему женишку не обломится от нашего пирога, - сейчас папа звучит даже слишком оптимистично. - Разводом займутся адвокаты и быстренько вас разведут. Детей нет, делить нечего. Максимум через месяц ты о нем и думать забудешь.

"А вот это вряд ли", думаю я, вымученно улыбаясь им. Сердце так скоро не забудет и любить по щелчку пальцев, к сожалению, не перестанет.

Хоть бы все оказалось лишь дурной шуткой или местью брошенной девушки…

Хоть бы Иван сумел все объяснить и доказать свою невиновность!

Посидев со мной еще немного, они собираются уходить.

- Может, с нами поедешь? - в дверях еще раз предлагает мама.

- Нет. Хочу побыть одна.

- Звони, если что. Кстати, я же там твою сумочку забрала,

она в машине. Занести?

- Оставьте у себя. Я потом заберу. А телефон можете сразу выкинуть, я куплю новый.

- А телефон?

- Телефон тебе сегодня привезут. Новый, - говорит папа. - Когда еще ты сходишь, не без связи же тут сидеть.

Я киваю - хорошо. Он идет первым, нажимает на кнопку лифта. Мама целует меня и идет его догонять. Я не захожу в квартиру, провожаю, пока не уедут.

Кабина приезжает, но папа не заходит в нее, вдруг замерев. Поворачивается ко мне:

- Подожди, а когда вы расписались? В какой день?

Я смотрю на него удивленно, не понимая, зачем ему.

- Двадцать второго июня.

Я не успеваю договорить, как он уже звонит кому-то.

- Ты помнишь, когда мы оформили долю в компании на Алину? Да, точную дату надо.

И от его вопроса у меня внутри все обрывается. Я помню, когда это было - после того, как я стала женой Ивана.

А это значит…

Папа сбрасывает звонок и, не глядя на меня, спрашивает бесцветным голосом:

- Брачного контракта у вас, конечно же, нет?

- Нет, - выдыхаю я.

Он усмехается:

- Молодец, Иван. Поимел нас всех, - и первым заходит в

лифт, а я прямо в свадебном платье стекаю по стене на пол.

Глава 6. Пружина

Утром, сидя на кухне за стойкой у большого, в пол, окна с выходом на террасу, я пытаюсь собрать мысли в кучу.

Передо мной пустая чашка, которую я взяла для кофе, но так и не встала, чтобы его налить. После всего случившегося вчера я едва ли спала ночью и чувствую себя разбитой, будто по мне танковая дивизия проехалась несколько раз. Все кости болят, как реально раздробленные, а мышцы противно ноют.

И внутри вязкая пустота. Вакуум.

Не хочется ничего делать, даже просто шевелиться, но мне нужно исправлять все, что я натворила.

У моей семьи и нашего бизнеса могут быть большие проблемы из-за моей глупости и наивности. Я доверилась не тому человеку, а он подло воспользовался моей доверчивостью и наивной девчачей влюбленностью.

Рядом лежит новый телефон, который привезла охрана. И старый. Папа оказался дальновиднее меня и его мне тоже передал - мне же нужно как-то связаться с Иваном, чтобы поговорить о разводе.

Об условиях, на которых он согласится не претендовать на долю в компании.

Это очень большой и лакомый кусок, и Безруков, конечно, об этом знает. Как знал и про процедуру расширения моей

доли. И как бы мне ни хотелось верить, что вчерашняя сцена на свадьбе не фальшивка, что Иван искренне любит меня и женился не ради выгоды, я не могу отмахиваться от фактов.

Он знал и ничего не сказал. Просто позволил мне вступить во владение почти половиной всей компании, что автоматически распространилось и на него.

"Может, он не подумал, так же, как и ты?" подает голос Ангел на моем плече, но Дьявол затыкает ему рот.

Слышу, как поворачивается ключ в замке и резко оборачиваюсь на дверь.

- Папа? - спрашиваю громко.

У кого еще могут быть ключи?..

Но дверь открывается, и в прихожую входит Иван…

Он сразу видит меня на моем месте: прихожая, гостиная и кухня - единое пространство без стен и перегородок, зонирование обозначено лишь материалами полового покрытия и мебелью.

При одном взгляде на него у меня внутри все затряслось и сжалось. Снова накатила боль, которая, казалось, чуть подутихла за ночь. Но нет, смотреть на него и вспоминать весь кошмар на свадьбе так же невыносимо. А желание, чтобы он оказался невиновен в том, в чем обвиняет его Лариса, лишь усилилось.

Я хочу услышать, как он разобьет все ее обвинения, опровергнет все слова, но вместо этого спрашиваю строго:

- Как ты меня нашел и откуда у тебя ключи?

Иван никогда не был в этой квартире - подарке родителей на свадьбу, - именно поэтому я приехала вчера сюда, а не к себе. Чтобы он не пришел.

- Я нашел их в конверте на столе с подарками. Твои родители не вспомнили, а я забрал - не оставлять же их там.

- Адрес тоже был в конверте?

- Нет. Он был в документах при покупке. Я видел договор в корпоративной почте.

"Убирайся!" хочется сказать мне, но я останавливаю себя - будет глупо сейчас его послать, а потом самой искать с ним встречи.

Пусть лучше он будет в роли просящего поговорить, а не я.

- И ты решил, что можешь просто заявиться сюда?

- А как еще мне с тобой связаться? Ты не отвечаешь на мои звонки, не читаешь сообщения. Их было тысяч сто за вчера и сегодня, - спокойно отвечает.

Визуально в нем нет ни капли волнения. Передо мной сдержанный и абсолютно уверенный в своей правоте и легитимности всех своих действий человек. Но я все еще не знаю, что дает ему эту уверенность - то, что он невиновен, или то, что он знает: мы в его руках и деваться мне некуда.

- Я не получала твоих звонков и сообщений. Я сменила телефон, и ты больше не сможешь мне позвонить.

- Ты моя жена, Алина, - пускает он в ход свой главный аргумент. - Если остальные и могут думать, что мы не успе-

ли пожениться, и меня можно просто отменить везде, ты-то знаешь, что это не так. Мы женаты, это факт. И тебе придется разговаривать со мной.

Удивительно, но он даже не угрожает. В его голосе нет давящих или категорических интонаций.

- Прошу тебя, давай поговорим.

Я не отвечаю, давая понять, что он может продолжать. Просто боюсь, что пружина, сжимающаяся во мне с тех пор, как он вошел сюда, окончательно пережмется от разрывающих меня противоречивых эмоций, и лопнет. Не хочу сорваться при нем.

Не хочу.

- Алина… - мягко начинает Безруков. - Ты убежала вчера, даже не дав мне шанса все объяснить. Не захотела даже выслушать. Ты клялась мне в любви, ты вышла за меня, но стоило появиться беременной бабе, которую ты видишь впервые в жизни, и ты сходу поверила ей, а не мне. Почему?

Он, что, обвиняет меня?..

- Потому что не желала слушать твою ложь! - выпаливаю, чувствуя, как внутри меня разгорается ярость, и голос сам собой повышается. - Зачем мне слова, когда я видела твою реакцию на появление Ларисы? Она сказала все за тебя!

- Мой ступор объясняется банальным шоком, - спокойно возражает он. - Все были в шоке, и я не исключение. Ее появление застало меня врасплох, но не в том смысле, как ты думаешь.

- Не заговаривай мне зубы, Ванечка, - передразниваю я Ларису. - Ты испугался ее. Испугался, что она выдаст тебя!

- Нет, не испугался. Точнее, не за себя, а за тебя. Не хотел, чтобы наш праздник был испорчен таким гнусным образом, - уверяет Иван горячо и делает шаг ко мне.

- Не подходи, - говорю тихо, но твердо, и вскакиваю на ноги.

Взглядом внушая ему, что не надо пытаться повлиять на меня своей близостью, окутывать своим запахом, который все еще может иметь воздействие на меня. За одну ночь разлюбить кого-то невозможно. Потерять доверие, возненавидеть за предательство - да, но не разлюбить.

Иван вскидывает руки в сдающемся жесте и больше не делает попыток приблизиться.

Я делаю глубокий вдох - самое сложное в разговоре еще впереди.

Глава 7. Маска

- Да, я встречался с Ларисой, - продолжает Иван невозмутимо. - Но это было давно. До того, как я встретил тебя. Клянусь. Я не знаю, что у нее на уме, но уверяю тебя - этот ребенок не мой. Алина, поверь мне…

- Поверить тебе? - перебиваю. - Ты столько месяцев притворялся, создавал видимость идеальных отношений. Я доверяла тебе, а ты врал мне в глаза, пока твоя девушка ждала от тебя ребенка, веря, что ты вернёшься к ней. С кучей денег, - меня передергивает от омерзения к такому способу зарабатывания.

Это хуже проституции.

Его лицо напрягается, а голос становится еще более мягким, бархатным и обволакивающим.

Он будто гипнотизирует меня, давит на болевые точки.

- Все не так. Я встретил тебя, Алина, влюбился и захотел быть с тобой. Только с тобой. Вернувшись в свой город, я честно рассказал об этом Ларисе. Мы с ней расстались. Я выбрал тебя, потому что люблю.

- Любишь? - повторяю, чувствуя, как в горле образуется комок. - Или ты выбрал меня, потому что брак со мной для тебя более выгоден? Пока все выглядит так, что ты все тщательно спланировал, Иван. И безупречно исполнил свой план. Жениться на наивной глупенькой, но любимой дочур-

ке богатенького папика, через нее втереться к нему в доверие и поиметь со всей семейки максимум. Таков был план?

- Алина, ты сейчас не права и чудовищно несправедлива.

И, говоря это, он так искренне уязвлен, что поневоле закрадываются сомнения - а, может, он реально ни при чем? Часть меня очень хочет в это верить, но как быть с фактами?

- Скажешь, все не так? - я стараюсь сохранять хладнокровие, хотя внутри у меня все бурлит. - Скажешь, что ты уговаривал меня жениться в годовщину нашей встречи от большой любви, а не потому, что знал про дату перераспределения долей в компании?

Я внимательно слежу за ним, за его реакцией, желая увидеть, как он воспримет, что я уже сопоставила даты, но он и глазом не ведет.

- Потому что любил. Люблю…

- Просто ответь, Иван: ты знал о дате или нет?

Он продолжает прямо и открыто смотреть мне в глаза.

- Знал.

И его ответ неожиданен. Я была уверена, что он будет отпираться до последнего, но он меня удивляет.

- Знал, - повторяет, - но никакого коварства не планировал.

- Тогда почему же не остановил меня, не предложил перенести распределение долей на более ранний срок, до свадьбы?

- Я просто не придал этому значения. Мне не было дела

до твоей доли.

- Ты считаешь меня абсолютной дурой? - усмехаюсь я.

Это даже обидно.

- Нет, Алина. Ты очень умная молодая женщина, именно поэтому я влюбился в тебя. И поэтому верю, что ты не будешь делать поспешных выводов и рубить с плеча по нашему браку, пока как следует во всем не разберешься.

- В чем тут еще разбираться?! - не выдерживаю я. - Все же ясно, как день! Ты просто подстраховался, обеспечил себе финансовый парашют при разводе. Когда ты собирался со мной развестись, чтобы сдержать обещание, данное Ларисе - через полгода или раньше?

- Я не собирался с тобой разводиться. Развод - последнее, чего я хочу. Алина, никаких обещаний я Ларисе не давал. Она лжет. И я могу это доказать. Достаточно просто поговорить с ней, объяснить, какие последствия ее ожидают за ложь и клевету, и она сразу сама во всем сознается. Ребенок не мой, я гарантирую!

Он говорит так напористо, так убежденно, его уверенность сбивает с толку, и я невольно задумываюсь над его словами. Он пользуется моей паузой.

- Если это не сработает, я готов сделать тест на отцовство хоть сегодня. Ребенок - не мой.

Я фыркаю:

- Удобно говорить про тест, когда сделать его до рождения ребенка невозможно без рисков для плода. Любой врач

скажет, что это опасно и лучше подождать. Сколько ей еще до родов?

- Два месяца, - отвечает Иван быстро и, запнувшись, стреляет в меня глазами.

Если бы не этот испуганный взгляд, я не поняла бы, что он проговорился, что это его оплошность.

Задавая вопрос, я не пыталась его подловить, просто спросила, а он снова выдал себя…

Если ребенок не его, и он не видел Ларису год, откуда он знает, на каком она сейчас месяце?!

Сомнения, которые зародились во мне после его уверенных и решительных слов, вновь испаряются.

Он лжет.

Снова лжет мне в глаза...

- Я знаю о ее сроке, потому что разговаривал с ней вчера, - быстро начинает объяснять он, не дожидаясь, пока я спрошу его об этом. - Вернее, присутствовал при ее разговоре с твоим отцом, и он спрашивал ее об этом. Я слышал.

Складно… Допустим.

- Он и с твоей мамой разговаривал, почему она не подтверждает твои слова? - вспоминаю слова папы. - Или она не в курсе, что вы расстались?

- У моей мамы больное сердце, ты знаешь, - быстро находится он. Или ждал этого вопроса. - Вчера она была просто в шоке от того, что случилось. Растерялась. Когда придет в себя, она все подтвердит.

- Ну еще бы… - скептически хмыкаю. - Когда ты уже всех подговоришь и согласуешь с ними общую версию? Очень удобно, Иван. Так делают пьяные водители, смываясь с места ДТП, чтобы скрыть состояние опьянения, а потом сами приходит в полицию, типа сотрудничать со следствием.

- Я не скрывался с места преступления, - отбивает он мою реплику, припечатав меня взглядом. - Это ты ушла.

- А я не называла место нашей свадьбы преступлением, - парирую я, так же сверкая на него глазами.

Иван опускает голову.

- Что мне сделать? Как доказать тебе, что я невиновен? Что я не предавал тебя - что?

- Ничего не нужно делать. Хватит. И слова тоже больше не нужны. Я уже не верю тебе, - устало говорю я, чувствуя легкое головокружение от напряжения и, возможно, недоедания.

Я уже сутки не ела совершенно ничего.

- И что, это конец? - спрашивает холодно.

- Да, я попрошу юристов подготовить заявление о разводе, и ты подпишешь его. И ни на что не будешь претендовать.

Он усмехается неожиданно цинично, сбросив маску уязвленной невинности:

- Ты реально думаешь, что я такой дурак?

Глава 8. Без прикрас

Его слова и колючий взгляд меня отрезвляют.

Вот он, истинный Иван Безруков. Без прикрас.

Мне становится понятно, что все мои надежды на то, что ситуация на свадьбе не более, чем недоразумение, были напрасны.

Иван либо так и планировал заранее, отправляясь работать в столицу, либо импровизировал по ходу, удачно - для него - встретив меня. Я без памяти влюбилась и дала ему билет в новую красивую жизнь - так его замысел сработал.

Он все разыграл идеально, допустив лишь одну ошибку - не поделился своими планами с Ларисой, и она, вмешавшись, поломала ему игру.

А, может, и не поломала.

Может, это тоже часть их продуманного сценария.

Он же уже получил все, что хотел, зачем ему нелюбимая жена?..

Разведясь со мной, он будет свободен и богат. Что еще нужно?

Надо признать, он разыграл все, как по нотам - пришел, женился, получил.

Но я!

Как я могла быть такой слепой? Как?! Не увидеть, не считать, не понять, что все его чувства, все - ложь! Абсолютно

все, от первого взгляда до последнего слова.

И теперь ему при разводе достанется большая часть компании… семейного бизнеса, который мой папа создавал годами!

Он был так рад и горд, когда делился со мной своим детищем, расширяя мою долю до "заслуженной", а я так бездарно все профукала…

Нет, я так это не оставлю. Я должна что-то сделать, найти способ все исправить, но как?..

- Я думаю, что ты двуличный, расчетливый, наглый альфонс. Брачный аферист, который плохо кончит. Ничего больше я о тебе не думаю, Иван, не обольщайся. Но я рада, что ты перестал ломать комедию и больше не разыгрываешь передо мной роль невинной жертвы. Так гораздо проще разговаривать и договариваться.

- Я еще раз прошу тебя, Алина, не спешить с выводами, - его лицо опять принимает обычное выражение, без налета цинизма. - Я не сделал ничего, в чем ты меня обвиняешь. Я женился на тебе, потому что люблю, а не потому, что охотился за твоим состоянием или деньгами твоего отца. И я никак не связан с Ларисой.

- Не утруждайся повторять все это, - прерываю я очередную порцию его лапши на мои уши. - Я больше не поверю ни единому твоему слову. Не знаю, что это было секунду назад, но ты проявил свое истинное лицо, и теперь не убедишь меня в обратном.

И говоря это, я чувствую, что это не просто слова. Я буквально физически ощущаю, как во мне отключается режим влюбленной дурочки и включается папина дочка - та, какой он учил меня быть. Но, встретив Ивана, я об этом на время забыла. Как забыла, вообще, обо всем.

Теперь пришло время вспомнить.

И не позволить ему одурачить меня дважды.

- Ты опять все неправильно поняла, - усмехается он как будто огорченно - надо признать: актер он талантливый. - Я не хочу развода и поэтому ничего не подпишу. Я не отпущу тебя просто так. Я докажу, что невиновен. Пойдем со мной к Ларисе, и вместе попытаемся заставить ее сказа…

- Никуда я с тобой не пойду! - обрываю я его сладкие речи. - Все, что мне от тебя нужно - чтобы ты озвучил условия, на которых ты согласен на развод. И покончим с этим.

- Я не согласен на развод, - отрезает категорично. - Я уже сказал об этом дважды. Я люблю тебя и разводиться не буду.

Разговаривать с ним - это как качаться на качелях. У Ивана словно раздвоение личности. Он то давит на свою невиновность, и звучит при этом очень искренне и так правдоподобно, что поневоле закрадываются сомнения - а, может, правда?.. То вдруг ангельская маска с него на миг слетает, и он проявляет свою темную сторону - истинную, - и все опять становится на свои места. Но в следующую секунду он вновь откатывается к настройкам святого Ивана.

- Ты же понимаешь, что твое желание не учитывается? Ты

предал меня. Я не останусь твоей женой. Ни за что.

- Это ты предаешь меня сейчас, Алина. Из доказательств моего предательства у тебя лишь слова незнакомой женщины. Против моего. Что делает ее слова более весомыми и правдивыми - ее пол или живот?

Его глаза и интонации упрекают меня в предвзятости. А его грубые ремарки в сторону Ларисы - беременная баба, ее живот - видимо, должны убедить в том, что она для него чужая? Это даже не смешно.

Он, действительно, считает меня недалекой, если думает, что я на такое поведусь.

Хотя, может, он и прав. Потому что повелась бы, наверняка бы повелась, если бы папа вчера не разгадал, к чему была, на самом деле, спешка Безрукова со свадьбой.

Но, к счастью, я вовремя прозрела.

- То есть, договариваться ты не хочешь? - отвечаю вопросом на вопрос.

- О разводе? Нет.

- Тогда говорить нам больше не о чем, и тебе пора на выход, - роняю равнодушно.

Подойдя к нему, забираю из рук ключи. После иду к входной двери и распахиваю ее.

- Уходи, - смотрю выжидательно. - Уходи, Иван! - слегка повышаю голос, видя, что он не двигается с места, сверля меня долгим пронзительным взглядом. - Мне вызвать охрану?

- Не надо, - сдается он с усмешкой. - Сам уйду. Но ты не

отделаешься от меня так просто, Алина. Тебе придется говорить со мной.

- Разговаривать с тобой теперь будут мои адвокаты. Тебя я видеть больше не желаю.

Иван разворачивается и вышагивает за порог, но там останавливается снова.

- Ты совершаешь ошибку, - говорит предупреждающе, глаза его при этом мрачно вспыхивают.

- Наоборот, я ее исправляю, - отвечаю уверенно.

- Смотри, как бы потом не пожалеть… - успеваю я услышать, закрывая дверь перед его носом.

И только повернув замок изнутри, выдыхаю облегченно и тут же звоню на охрану:

- Сейчас ко мне приходил мужчина. Проследите, пожалуйста, чтобы он сюда больше не вошел.

- Он сказал, что он ваш муж и показал паспорт и ключ, - оправдывается охранник.

- Мы разводимся. Сделаете?

- Да, конечно.

Положив трубку, прижимаюсь спиной к двери - это было тяжело. А ведь это только начало…

Телефон на стойке начинает звонить. Это новый - номер знают только родители.

Подбегаю и снимаю трубку.

- Дочь, можешь подъехать? Мы с юристами ждем тебя в офисе.

Глава 9. Новенький

Когда я захожу в кабинет, отец уже ждёт за большим столом. Поднимаясь мне навстречу, тепло улыбается. Он искренне рад меня видеть, невзирая на то, как я его подставила…

И смотрит на меня с тем же выражением на лице, как в детстве - с готовностью защищать от любой беды, от всех и вся, включая меня саму.

- Ну как ты? - поцеловав меня в висок, спрашивает, заглядывая в глаза.

И этот его взгляд и безусловная поддержка и любовь так меня трогают, что я чувствую, как начинает покалывать глаза, как горло словно сдавливает невидимый стальной обруч. Но я держусь, не позволяю себе распустить нюни - папа же здесь не один, а даже если б и был, мои слезы его только расстроят, а я этого совсем не хочу.

Буду сильной. Ради себя и ради него.

Я же папина дочка.

- Хорошо, - отвечаю, старательно улыбаясь и отводя глаза.

Потому что знаю - мне его не обмануть.

Папа делает вид, что не замечает и представляет мне своих юристов. Одного из двух мужчин за столом, Верховцева, я уже знаю - он присутствовал при процедуре распределения доли, а второго - Дворецкого - вижу впервые.

Дворецкий заметно моложе своего коллеги, настолько, что я не уверена - он институт-то хоть закончил? И, хоть костюм у него такой же строгий, глаза очень живые, а взгляд уверенный, дерзкий - мальчишечий. Из-за чего ощущение, что он тут случайно и вряд ли очень хороший специалист, лишь усиливается.

- Я хочу, чтобы Алина тоже послушала все варианты, которые вы можете предложить нам по разруливанию ситуации, - говорит отец, пока я придирчиво разглядываю новенького. - С этим, надеюсь, проблем нет? Она - непосредственный участник.

"Скорее, виновник", думаю с грустью, садясь рядом с папой напротив юристов.

Те нестройно отвечают отрицательно.

- С Иваном мы, - папа поворачивается ко мне, - пока связаться не можем, он не отвечает на звонки. Но не переживай - найдем.

- Он приходил ко мне сегодня, - признаюсь тихо.

Я надеялась, что этот вопрос поднимется позже, не при чужих людях, но раз речь зашла, не сказать ему об этом не могу. И вдруг это будет полезно в разговоре.

- Куда? - удивляется. - На квартиру? Но как?..

- Он пришел с ключами и показал охране паспорт, что он мой муж. Ключи нашел среди подарков, а адрес узнал из деловой почты, - закрываю сразу все возможные вопросы.

- И что ему было нужно?

- Поговорить, - пожимаю плечами. - А я воспользовалась случаем, чтобы спросить у него, на каких условиях он согласен на развод, но он отказывается разводиться и настаивает на своей невиновности.

- Зачем ты, вообще, разговаривала с ним, Алиша? - мягко упрекает отец. - Надо было вызвать охрану и выставить гов… подлеца на мороз.

Я улыбаюсь - на мороз летом. Но это любимая папина фразочка.

- Вдруг бы у меня получилось, - раскаиваюсь я.

- Да, вам не стоит общаться с ним без адвоката, - влезает дерзкий новичок. - Это может помешать нашему делу. Вы…

- Да ладно, Даниил, - перебивает его папа, заступаясь за меня, - ничего страшного же не произошло. Разберемся мы с этим Безруковым.

Потом, словно спохватившись, вновь смотрит на меня, и в его взгляде читается сомнение:

- А ты… точно уверена, что хочешь разводиться? Не передумала?

- Как можно передумать? - протестую я возмущенно и даже краснею.

- Ну, может, Иван убедил тебя, что все... - папа рисует руками круги в воздухе. - Ну...

- Нет, не убедил, - качаю головой.

"Да не сильно и старался", добавляю мысленно.

- Тогда, господа, - снова обращается он к юристам, - давай-

те думать, что мы в текущей ситуации можем сделать, чтобы при разводе Алине не пришлось делить с этим… аферистом долю, которую она получила уже в браке?

- В идеале такие вопросы, конечно, должен регулировать брачный договор, - начинает деловито Верховцев, - но раз тут его нет, у нас остаются некоторые другие возможности, хоть они и менее просты.

- С самим разводом проблем ведь не будет?

- С разводом нет. С ним все просто, если мы не выберем своей стратегией оспаривание честности намерений Ивана при вступлении в брак. Если удастся собрать доказательства того, что он женился на Алине с целью получить доступ к активам ее семьи, это поможет оспорить его право на её долю.

- Это возможно? - удивляется отец.

И я тоже таращу глаза - неужели все так просто?!

- Возможно. Не скажу, что это просто - отнюдь, - и много в этом варианте зависит от того, есть ли у Алины, - он смотрит прямо на меня, - какая-либо информация, доказывающая корыстность его мотивов. Нужна очень мощная доказательная база. Переписки, может быть, свидетельства общих знакомых, может, в долг он у вас брал деньги и не отдал до сих пор? - накидывает он варианты.

А, нет, не просто…

Я медленно качаю головой - ничего такого нет. Я, скорее, найду кучу доказательств обратного. У нас был год здоровых отношений, тому есть куча подтверждающих фото и ви-

део в телефонах и соцсетях. На них наши чувства предельно искренни и все друзья, как один, твердили, что мы созданы друг для друга. Никто никогда не замечал в Иване корысти, и не было ни единого поступка, случайного слова или намека на то, что он фальшивит.

Свои сомнения озвучиваю вслух.

- Значит, на это шансов мало? - обращается папа к Верховцеву, скорее, утверждая, чем спрашивая.

- Тогда их практически нет, - отвечает Вячеслав. - Ведь пока мы собираем факты, подтверждающие нечестность его намерений, Иван будет доказывать обратное. И Алине предстоят открытые обвинения и разборки. Если она к ним не готова, а улики у нас слабые, то…

- Ясно, - обрывает его папа. - Что ещё мы можем использовать?

- Другая возможность, - берет слово Дворецкий и выглядит так, будто всегда знал, что первый вариант - отстой, - оспаривание факта доли как супружеской собственности. Например, муж не сможет претендовать на долю жену, даже несмотря на то, что она была получена в браке, если окажется, что доля была передана ей по условиям дарения или наследства.

Отец хмурится:

- Но у нас было не дарение…

Даниил широко и многозначительно улыбается:

- Я сказал "окажется". Вдруг…

Глава 10. Не маленькая

Что?!

Этот Дворецкий намекает на подделку документов?..

Верховцев едва заметно усмехается - идея, явно, его не увлекает, - а папа переводит взгляд с одного на другого.

Я же сижу, замерев и пытаясь понять - мне показалось или он действительно только что это предложил?

- Не подделать, а заменить на другие, - на голубом глазу жонглирует горе-юрист понятиями, отвечая на мой немой вопрос, который папа задал ему вслух. - Задним числом и… - взмахивает руками в жесте фокусника-виртуоза. - Никто не узнает.

- Нет, - категорично отвергает эту идею папа, а я облегченно выдыхаю.

Испугалась на секунду, что мне одной придется противостоять этой завиральной идее.

- Подлог мы делать не будем. Ты слышал, что сказала, придя, Алина? Этот упыренок даже адрес квартиры, которую я купил для них, высмотрел и запомнил. Я по дурости устроил его в компанию на хорошую должность, и он включен во многие рассылки и согласования корпоративной почты.

- Иван знал дату перераспределения долей, он сам признал это сегодня, - вставляю я.

- Вот, - подхватывает папа. - Если он все это готовил зара-

нее, то наверняка озаботился тем, чтобы сделать себе копии документов. И, пойдя на их подмену, мы не только часть бизнеса потеряем, но угодим под суд. Не вижу нужды так бездарно подставляться. Давайте по-другому проблему решать. Есть же еще варианты?

Дворецкий едва заметно дергает скулой, но лицо остается ровным, без признаков раздражения или недовольства, что его предложение не оценили.

В противном случае можно было бы заподозрить его в подставе.

- Да, есть, - говорит спокойно. - Можем попытаться обосновать факт наделения вами, Марат Равильевич, Алины большим размером доли в качестве части процесса дарения - от вас, как от владельца компании, вашей дочери. Это очень непросто, но мы представим суду косвенные подтверждения.

- Какие, например? - заинтересовывается папа.

Мы с ним сегодня на одной волне. Думаем одинаково и вопросы генерируем одни и те же. Только я не чувствую себя в этой компании настолько свободно, чтобы самой их задавать.

- В подписанных документах прослеживается четкая линия, по которой понятно, что вы планировали передачу только Алине, а не ей с мужем.

- Конечно! Я даже не знал, что они женаты. И как раз хотел успеть с этим до брака, чтобы избежать, в случае чего, таких вот сюрпризов.

- Папа!.. - восклицаю я ошеломленно.

Он не озвучивал мне эти свои мысли. По понятным причинам. Но сейчас, узнав о них, я испытываю двоякое чувство - с одной стороны, мне обидно, что он так не верил в нас с Иваном (хоть и оказался в итоге прав), с другой - если бы он сказал мне, возможно, я бы созналась (из чувства протеста), что уже вышла за Безрукова.

- Да, дочь. Признаю, что при всей своей симпатии к Ивану - напрасной совершенно, - я выбрал поступить здраво и ответственно. Так что плановая дата распределения долей была еще одной причиной для переноса даты вашей свадьбы. Не только моя командировка и операция бабушки.

- Если мы докажем, что это был ваш подарок дочери, а не общая супружеская собственность, - продолжает Даниил, - суд может учесть наши аргументы.

- Тем более вы не знали, что она уже замужем, поэтому выбрали такой вариант наделения ее долей, - добавляет Вячеслав. - Это тоже можно вполне доказуемо. Не стопроцентно, - тут же отмечает он, - но пробовать можно. При лояльном судье…

- А не получится, что я так подставлю дочь под статью?

- Какую? - удивляются оба.

- Ложь и клевета. Вроде, есть такая.

- Это не наш случай, - улыбается Верховцев. - К тому же вряд ли вы будете заявлять на нее за эту ложь.

- На дочь не буду. А на упыренка могу?

Мужчины переглядываются.

- На Безрукова тоже не стоит, - отвечает за обоих Дворецкий. - Он будет это оспаривать.

- Ну что, решили? Пробуем эту стратегию? - поднимается отец.

- Да. Мы подготовим исковое.

Они тоже встают. Пожимают папе руки.

- Тогда жду. На связи, - он провожает их из кабинета и возвращается ко мне.

Улыбается, вновь садится рядом.

- Прости, пап, что была такой дурой и так тебя подставила! - не выдерживаю я его ласкового взгляда - чувствую, что не заслужила.

Он морщится, не переставая улыбаться.

- Да брось, Олененок. Что мы, с каким-то прощелыгой не справимся? Ничего ему от нас не обломился, даже не сомневайся.

Я глубоко вздыхаю - а что еще мне остается? Лишь положиться на папу и надеяться, что он исправит мой косяк. Как делал всегда…

- Не грусти, дочь - прорвемся, - щелкает он мне по кончику носа.

Я невольно улыбаюсь.

- А с кем ты уехала со свадьбы? - спрашивает он, будто спохватившись. Или просто пытается сменить тему. - Твой лимузин остался на стоянке, моя машина тоже на месте. И

такси ты не успела бы вызвать.

- С опоздавшим гостем. Не знаю, как его зовут. Не спросила имя.

- Опоздавшим? - его взгляд настороженно застывает, он задумывается, видимо, перебирая в памяти: - А разве кто-то опоздал? Вроде, все были, кто в числе приглашенных…

- Я когда выбежала из отеля, он как раз приехал и удивился, меня увидев. Сказал, что, похоже, все пропустил. Я попросила его меня отвезти.

- А что у него за машина?

- Спортивная. Я, честно говоря, не обратила внимания на марку.

- И ты уехала с кем-то, кого не знаешь, на машине, у которой не удосужилась посмотреть даже марку, не говоря о номере? - сердится он. - Чему я тебя учил с детства?

- Пап, ну я уже не маленькая девочка. И я не сказала, что не знаю его. Просто не помню имени, - чуть привираю, защищаясь. Да и не привираю даже - я точно знаю, что уже видела своего спасителя. - А на марку машины мне было наплевать.

Он встает и идет к телефону на столе.

- Гордей, позвони в отель, где была свадьба, и запроси запись с камер. Мне нужно знать, с кем уехала Алина. Срочно.

Закончив звонок, смотрит куда-то мимо меня.

Странно… что его так напрягло?..

Глава 11. Отпоем и оттанцуем

Я не остаюсь ждать, пока папе сообщат имя незнакомца, и прощаюсь с ним.

Выхожу из здания офиса с тяжелым сердцем: хоть какое-то решение мы нашли - не стопроцентное, я помню, - меня все равно гложет чувство вины. И стыд, что была такой дурой, что и сама влюбилась без памяти, и поверила, что и Иван так же безумно и бесхитростно в меня влюблен.

Рефлексируя, я не замечаю, что у меня звонит телефон - на нем еще стандартная мелодия, и я ее не признаю. На экране просто цифры номера - в памяти забиты лишь номера родителей. Они постарались.

Колеблюсь не больше секунды прежде, чем ответить.

- Привет, подруга, - слышу привычно жизнерадостный голос Олеськи.

- Привет, - тяну я. - Как ты узнала мой новый номер?

- Маман твоей позвонила. Она с легкостью тебя сдала, - охотно признаётся. - Переживает, что тебя надо спасать, пока ты совсем себя в изоляцию не загнала.

- В изоляцию я и не собиралась, - возражаю чуть обиженно - неприятно, что они обсуждают меня за спиной.

- Вот и отлично! Куда сегодня - в спа или вечером в клуб? Пора тебе вылезать из подполья.

- Я и дня еще в нем не просидела! - вновь возмущаюсь

такому несправедливому обвинению.

- Ты телефон свой сменила, мне ни разу не позвонила, а я, между прочим, тоже за тебя переживаю. И Любка - все переживаем.

Этот упрек справедлив, и я молчу.

- Так что - махнем в спа? - пользуется она моментом.

Я вздыхаю.

- Нет. Серьёзно, Олесь… мне правда никуда не хочется. Спа сейчас точно не то, что мне нужно.

- А что тебе нужно? Излагай - я за любой кипиш. Ты же знаешь.

- Знаю. Но могу предложить только зависнуть у меня на квартире.

- Слушай. Ты замуж не вышла, а не умерла. Ну какая квартира?

- Новая. Шикарная квартира, - рекламирую я торопливо: - С шикарным видом на…

- Так. Выключайте свою пропаганду. Не хочешь в спа - пошли в караоке. Будем под Анну Асти и бокальчик игристого горланить про бывших и несчастную любовь. Отпоем и оттанцуем всю твою боль. Я на все согласная.

Когда она сказала "отпоем", мне на миг показалось, что она продолжит фразу как "отпоем твоего Ивана", и облегченно выдыхаю, когда она заканчивает строчкой из песни.

- Олесь… - начинаю я, но она перебивает:

- Алин, - повторяет мою интонацию. - Или спа, или кара-

оке, или предложи свой вариант за пределами твоего ЖК, но киснуть еще один вечер я тебе не дам! Хочешь страдать - страдай. Но красиво и в моей приятной компании.

Я закатываю глаза, но понимаю - надо сдаваться, она все равно не отстанет. Настойчивость - ее главный талант.

- Ладно. Спа так спа.

Ночной клуб и танцы я точно пока не вывезу, а повалять-ся в неглубоком термальном бассейне и отдать себя в руки умелого массажиста могу.

И не жалею об этом решении.

Обернутая в пушистое полотенце, с наслаждением вытя-гиваюсь на лежаке в сауне. Пар мягко обволакивает комна-ту, воздух в меру влажный, тёплый - кажется, он проникает в каждую клеточку тела, обнуляя усталость. Я смотрю в по-толок и впервые за почти неделю - подготовка к свадьбе вы-далась слегка безумной - позволяю себе расслабиться.

Кайфую в моменте, пока Олеся, вдруг не поворачивает ко мне лицо и брякает некстати:

- А ведь в эту самую минуту ты вообще-то должна была лежать не здесь со мной, а на забугорном пляже. Счастливая и замужняя.

Мое лицо сразу каменеет. Я чувствую, как все мышцы об-ратно напрягаются, вставая колом, потому что резко накаты-вают воспоминания о том, как мы с Иваном планировали это свадебное путешествие, как выбирали место и отель с видом на океан. Тогда я вся вибрировала от предвкушения этой по-

ездки, от того, как нам будет хорошо вдвоем, сейчас же не испытываю ничего, кроме горечи.

- Ой, прости, Алин, - спохватывается Олеся, и я пытаюсь улыбнуться ей. - Не подумала…

- Да ладно. Когда-нибудь я смогу нормально это воспринимать. И даже шутить. Но, вообще, знаешь, хорошо, что ты вспомнила. Надо будет попробовать связаться с фирмой. Может, можно вернуть оплату за неиспользованную услугу.

- Всю точно не вернут.

- Уху, - киваю я, не желая продолжать.

Это не самое важное.

Про то, что срыв моей свадьбы не мешает мне быть замужней, я решаю не говорить, хотя, когда ехала сюда, думала открыть правду подруге - она тоже не знала, никто не знал, кроме нас двоих. А сейчас понимаю - я еще не готова об этом говорить.

Потому что рассказать придется и о второй моей глупости, с более серьезными последствиями, а это… стыдно. Может, позже смогу, когда станет чуть яснее с сохранением компании в семье.

Пока воздержусь от признаний.

И так жалкая и брошенная, обманутая какими-то проходимцами. Если узнают, что я дала себя обмануть дважды, вообще засмеют.

После сауны мы переходим в бассейн с теплой водой и эффектом джакузи. Термальные струи приятно массируют

спину, направленный поток воды тонизирует и ласкает. Я откидываю голову на спинку и закрываю глаза, позволяя воде убаюкивать и расслаблять.

И так расслабляюсь, что сама не замечаю, как вдруг озвучиваю вслух свою мысль, что папа уже, должно быть узнал имя того хищника, который подвозил меня до дома.

- Какого хищника? - загораются любопытством глаза Олеськи.

Только в этот момент я понимаю свою оплошность. Расслабилась, называется…

Будет мне теперь допрос с пристрастием с методичным окунанием головой в пузырящуюся воду, если посмею отмалчиваться.

Вот попала…

Глава 12. Принц

- Какого хищника? - повторяет Олеся с нажимом.

- Да никакого. Я так назвала про себя мужика, который подвез меня до дома, когда я ушла со свадьбы, - отвечаю будничным тоном.

- Что за мужик? - она тут же оживляется и кидается ко мне поближе, чуть не соскользнув по краю гладкой ванны и не уйдя под воду, но удерживается.

- Не знаю. Просто мужик.

- В смысле просто?! - возмущается. - Так просто, что его сам папа Марат разыскивает? И думаешь, я в это поверю? Ну-ка, рассказывай давай! Кто? Где? Откуда? - требует с видом заправского следователя.

- Да не знаю я, Олесь, - отмахиваюсь. - Говорю же - просто подвез. Он опоздал на церемонию и, приехав, увидел, что я выбежала из отеля в свадебном платье. Правильно оценил ситуацию и помог девушке. Вся история.

Я стараюсь быть максимально убедительной, чтобы отбить у нее желание пытать меня дальше. Но это не работает.

- Так а зачем тогда твоему папе знать его имя?

- Ну он говорит, что никто из гостей не опоздал, а значит, быть его на парковке не должно. Вот и попросил у охраны записи с камер.

Смотрю на Мартынову - у нее уже горят глаза и выражение

лица такое, будто она вот-вот узнает какую-то сенсационную сплетню, и тороплюсь приземлить:

- Типичный папа - ничего особенного.

- Подожди-подожди! - Олеська не даёт мне отвертеться. - А что за мужик - как он выглядел?

- Ну, высокий, наверное, около метра девяноста, крепкий такой - спортивный, темный ежик волос… Лицо у него волевое, мужественное, жесткая квадратная линия скул, - вспоминаю я, как разглядывала его исподтишка. - Взгляд острый, цепкий. Мужик как мужик, короче, - сворачиваю я свое красочное описание.

- Короче? Да ты же красавчика Криса Хемсворта описываешь! - излишне перевозбуждается Олеська. - Чисто герой боевика. Слушай, это же так романтично - тебя в день свадьбы увозит незнакомец…

- Мхм… в закат! Куда уж романтичнее…

- И что, ты ехала с ним до города и даже не спросила, как его зовут? - не унимается подруга.

- Представь себе. У меня на тот момент, мягко говоря, голова была занята совсем другим, - усмехаюсь. - Да и он не спешил знакомиться.

- И тебе что, совсем неинтересно, кто он? - Олеська сверлит меня пытливым взглядом.

- Интересно, - признаюсь, пожав плечами, - теперь даже очень интересно, но...

- Так давай его прогуглим!

- Да как можно прогуглить того, кого только видел и ничего о нем не знаешь? Что задать в описке? Нейросеть еще не умеет искать не по фотографиям в телефоне, а по воспоминаниям из головы.

Олеська выразительно закатывает глаза и цокает языком.

- Алинк, ты иногда бываешь такая... - не договорив, она выпрыгивает из воды и, бросив осуждающий взгляд через плечо на меня, мчится к раздевалке - очевидно, за телефоном.

Я сдерживаю усмешку и не тороплюсь за ней, позволяя себе еще немного наслаждаться водой, усиливающей давление и словно пытающейся вытолкнуть меня. Я сопротивляюсь ее мощной силе, как будто это единственное, что меня сейчас волнует.

Проходит несколько минут, и я сдаюсь - любопытство побеждает. Выбираюсь из бассейна и направляюсь к Олесе, устроившейся за столиком бара в лаундже с планшетом в руках. Когда я подхожу, она с азартом что-то набирает в поисковике.

- И как ты его ищешь? Ты ведь его даже не видела.

- Зато ты видела… Вот! - она поворачивает ко мне экран планшета - Олеська дизайнер и не расстается со своим графическим помощником.

Из дома без него не выйдет. Вот даже в спа притащила.

Я смотрю на экран с фотографиями разных мужчин. В поисковой строке вбито "Марат Кауров партнеры и конкурен-

ты".

Подумав "а вдруг реально найду?", внимательно разглядываю предложенную подборку.

- Ну? - торопит меня Олеська. - Есть тут твой спаситель?

Я кликаю по одной из миниатюр, увеличивая изображение. Да, это он. Его ни с кем не спутаешь. Сразу кликаю еще раз, переходя на статью, из которой взято фото. И пробегаю глазами текст.

Подруга вскакивает и, встав у меня за спиной, тоже читает.

В голос.

- Основатель и единственный учредитель строительного гиганта “Поланский Девелопмент”… - пропускает информацию о компании и снова зачитывает вслух: - Известен агрессивной стратегией ведения бизнеса, перешел дорогу многим участникам рынка, "фурункул на заднице" у большинства девелоперских компаний… Принципиальнейший соперник - Марат Кауров… - тихо заканчивает и выпрямляется.

Я тоже уже это прочитала - папино имя выхватила из текста почти сразу и уже потом вернулась к личностным характеристикам "акулы", в чью машину я так опрометчиво села.

Герман Поланский.

Вот почему он знал меня - он наверняка интересовался нашей семьей.

Да и я, конечно, его знаю - папа же рассказывал о нем. Не один раз. И видела я его тоже на какой-то премии или пре-

зентации, их не так много в строительном бизнесе, но своя тусовка все же есть. Помню, папа был крайне удивлен, что тот пришел. Сказал "видимо, уверен, что точно получит награду. Иначе ни за что бы не осчастливил мероприятие своим присутствием".

- Вот это да, - пораженно шепчет Олеся, - вот тебе и "принц на чёрном мерине"…

- Фурункул, - отзываюсь я таким же пустым голосом.

В голосе сразу возникают и завихряются в воронку куча вопросов, но ответов на них нет или они мне не нравятся. Поэтому я их не озвучиваю. Но это делает Олеся.

- Но что тогда он делал на твоей свадьбе? Его же вряд ли приглашали.

Медленно качаю головой - понятия не имею.

Его появление теперь, действительно, кажется, мягко говоря, странным. Чего он хотел? Зачем ему понадобилось приезжать на свадьбу? Это не близко, там случайно не окажется. Он приехал специально - зачем?..

В этот момент звонит телефон. Мой. Откуда он здесь? Он же должен быть в шкафчике в раздевалке.

- Это я его принесла, - кается Олеся. - Он звонил. Забыла сказать…

Я смотрю на экран - папа.

Уже знает…

Глава 13. Дурацкие мысли

- Как ты могла не вспомнить? - гневается папа, ходя передо мной кругами.

Я сижу на диване в гостиной родительской квартиры и смотрю перед собой на ненавязчивый рисунок шелкового ковра. Его - рисунка - почти нет, но я старательно таращусь, потому что не смею поднять глаза на папу.

- Как могла сесть в машину к этому латентному бандюку! Он же враг не только мой, но и твой - всей нашей семьи!

- Пап, я… - пытаюсь вставить слово, чтобы как-то защититься, но мама не дает мне.

- Да ладно тебе, Марат. Ты, что, не понимаешь? Девочка была в таком состоянии, где ей было на лицо его смотреть и еще вспоминать, где видела? - заступается за меня. - Она хотела уехать, а тут вот оно - такси.

- Такси? Да это такси по нам по всем проедется и даже не остановится! - мамина защитная речь не сработала - папа распаляется еще больше.

- И все равно ты не прав, наезжая на нее. Я тоже, не уверена, что узнала бы этого Германа. Ну сколько раз она его там видела? Разочек-другой на общих мероприятиях и столько же в статейках, что ты иногда показывал. Больно нам надо его разглядывать. Да и как она могла подумать, что это он, когда столкнулась с ним на собственной свадьбе?

Папа хмуро молчит, косвенно признавая ее правоту, и мама торопится закрепить успех:

- Ты же сам всегда держал нас подальше от бизнеса, говорил, чтобы не замарались в его грязи. Вот мы и не марались.

- Но сейчас-то Алина - полноправная владелица этого бизнеса.

- Вот сейчас она и будет разбираться. И всех твоих - теперь своих - конкурентов выучит, - торжественно заключает мама.

- Ладно-ладно, затыкаюсь, - папа сдается. - Пойдемте лучше ужинать.

Но за ужином молчит, в смысле, говорит на нейтральные темы только пока мы едим закуски, а как только подают горячее, он вновь возвращается к больному вопросу.

- И все равно я думаю, что Поланский не просто так появился на свадьбе. Он что-то хотел.

- Ну понятно, что хотел, но как узнать что? Сам он не расскажет… А, может, - вдруг меняется мама в лице, - это он подослал беременную Ларису, чтобы испортить свадьбу? И приехал проверить, как прошло?

Папа едва не давится крабом от маминой идеи. Я тоже в этот момент положила в рот половинку молодого картофеля, но моя реакция не была столь бурной. Я лишь вытаращила на нее глаза.

- Ч-чего?.. - спрашивает папа, поперхнувшись.

Мама похлопывает его по спине, повторяя свою мысль.

- Ты меня пугаешь, Люся! Откуда такие мысли дурацкие? Вот прям сама придумала?

- Я, в отличие от тебя, - невозмутимо работает она ножом и вилком, - все новинки кино, наши и голливудские, смотрю и на ус мотаю.

- У нас тут не Голливуд, - папа, отложив приборы, задумывается, но все же с сомнением качает головой: - Нет, Люсь. Не думаю, что это так. Поланский, конечно, способен на любую подлость, но, если все это придумал и срежиссировал он - мотивы вполне понятны, - зачем ему так подставляться? Засвечиваться самому?

Но у мамы и на это готов ответ:

- Ну, может он хотел убедиться, что план сработал. Или помочь. Никого же не должно было быть тогда на стоянке. Мы все на церемонии, гости тоже - отель пустой! Заходи и делай, что хочешь. Это было вполне безопасно. Можно было спрятаться где угодно и оттуда наблюдать, оставшись незамеченным. А Алина появилась, как чертик, и спутала ему карты. Иначе никто бы и не узнал, что он вообще приезжал, - настаивает мама на своем.

- А камеры?

- А стал бы ты смотреть камеры, если бы не узнал, что дочь уехала неизвестно с кем? Ты ведь только сейчас про них вспомнил. Раньше они тебя не волновали.

Папа вынужден согласиться с ее аргументами.

- Я все равно думаю, что для него это мелко, и все же...

надо разобраться. А ты что думаешь? - поворачивается он ко мне.

- Ничего, - спешу отнекаться, надеясь, что пытать, как Олеська, папа меня не будет.

И он не пытает.

А, выйдя от них, щурюсь от внезапно яркого вечернего солнца. Хотя для июля это не редкость.

Сев за руль, жму на кнопку, активирующую голосовой набор навигатора, но, ничего не сказав, отжимаю. Появляется мысль заглянуть сначала в свою старую квартиру и взять там хоть какие-то вещи. В этой есть все, даже то, что мне вряд ли когда-нибудь пригодится - дизайнеры постарались на славу, - но нет ничего моего. Нет милых моему сердцу и тельцу вещичек - любимой кружки и уютной домашней футболки-оверсайз на пару со старым худи и трениками. Нет подушки с покемоном и моей косметики. Без всего этого дом не дом.

Родители прислали вчера вместе с телефоном набор экстренного командировочного - щетку и смену белья, - но я хочу свои вещи. Пусть сто раз застиранные, но родные.

Да, придется сделать крюк, но оно стоит того.

По дороге поневоле вспоминаю мамину "дурацкую" идею и почему не захотела отвечать на вопрос отца. Я не хотела говорить, о чем действительно подумала.

Ведь если Ларису подослал этот хищник, враг семьи, то всё это - не правда, а хитрый ход, чтобы разрушить мой брак,

очернить репутацию и психологически надломить. Постановка чистой воды. А, значит, Иван мне не лгал и я... я поторопилась, прогнав его. Толком не выслушав…

В груди становится тяжело и как-то горячо от этого предположения.

Хотя нет, я его слушала - мы же утром разговаривали больше часа! Но слушать и слышать - разные глаголы с разным значением и смыслом. Я не слышала Ивана, да я отвергала каждое его слово, каждый аргумент, который он приводил, пытаясь оправдаться. Потому что не верила ему. А, может, стоило поверить?..

Появляется острое желание позвонить ему, но я гашу его. Торопиться сейчас не стоит - никогда не стоит. Импульсивность - враг разумного. Тем более я ничего еще не знаю. Это лишь предположение мамы. Которое может оказаться - скорее всего, окажется! - лишь выдумкой, фантазией, попыткой найти объяснение появлению папиного "принципиальнейшего соперника" на моей свадьбе.

Подумав еще, я решаю не связываться с Иваном. Я решаю встретиться с Ларисой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.